

ВИДАЛЬ



ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

2

- [Владимир Иванович Даль](#)

-

- [notes](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)



Владимир Иванович Даль

Сказка о Шемякиной суде и о воеводстве и о прочем; была когда-то быль, а ныне сказка буднишняя

Карлу Христофорову Кнорре^[1]

Пробежал заяц косою, проказник замысловатый, по свежей пороше, напрыгался, налягался, крюк выкинул сажени в три, под кочкою улегся, снежком загребся, притаился, казалось бы его уж и на свете нет – а мальчишки-плутишки заутре по клюкву пошли и смеются, на след глядя, проказам его; экий увертливой, подумаешь, ведь не пойдет же прямым путем-дорогой, по людски, виляет стороной, через пень, через тын, узоры хитрые лапками по снежку выводит, на корточки сядет, лягнет, притопнет; петлю закинет – экий куций проказник! Ну, а как бы ему еще да лисий хвост? – И долго смеялись зайцу, а заяц уж бог весть где! Слухом земля полнится, а причудами свет; это не сказка, а присказка, а сказка будет впереди. Шемяка, судья и воевода напроказил, нашалил, и скрылся, как заяц наш, да след покинул рыси своей лебединой лапчатой; а русский народ, как известно всему свету, необразованный, непросвещенный, так и рад случаю придраться, голову почесать, бороду потрясти, зубы поскалить, и подымает на смех бедного Шемяку судью и поныне. Кто празднику рад, тот до свету пьян; у меня кума жила на Волге, Соломонида, бывало как вспомянет, что у свекрови на крестинах пономарь оскоромился, так и в слезы; а в Суздаде, сват Демьян, и на тризне, да хохочет! Уговор лучше денег, кто в куму Соломониду удался, ни сказки ни присказки моей слушать не садись; сказка моя о похождениях слезных, приключениях жалостных Стоухана Рогоуховича и Баба-рыки Подстегайловны лежит у меня под спудом; а присказка о косом и куцом зайце и сказка о суде Шемякиной

написана, к быту приноровлена и поговорками с ярмонки Макарьевской разукрашена, для свата Демьяна с честными сотоварищи: всякому зерну своя борозда; на всех не угодить; шапка с заломом, будь и бархатная, не на дворянскую голову шьется – а по мне да по свату куцое платье, французская булка на свет не родись! Нам подай зимою щи с пирогом; кашу; летом ботвинью, либо окрошку, тюрю, поставь квасу, да ржаного хлеба ломоть, чтобы было, за что подержаться, да зубами помолоть – а затем просим свата Демьяна не прогневаться, небылицами коренными русскими потешиться, позабавиться; у нас с ним, как у людей, выше лба уши не растут!

Шемяка родился не воеводою, а мужиком. Не родись умен, не родись богат, а родись счастлив. Край его был бедный, народу смыслящего мало, письменного не много, а Шемяка у дьячка в святцы глядеть выучился, знал праздник, по приметам, отличать от буден, ходил в тонком кафтане – а как на безрыбьи и рак рыба, а в городе Питере и курица птица, так мир его и посадил в старосты. Шемяка мужик смирный: когда спит, так без палки проходи смело; и честный, заговорит, так что твои краснобаи, душа на ладони и сердце на языке; а что скажет, то и свято, где рука, там и голова; лихоимства не знал, бывало Федосей, покойник, царство ему небесное, вечная память, смышлен и хитер на выдумки, на догадки, тороватей немца иного – ему пальца в рот не клади! Бывало и комар носу не подточит; да любил покойник, нечего греха таить, чтобы ему просители глаза вставляли серебряные; бывало стукнет по голове молотом, не отзовется-ль золотом? Да и сам только тем прав бывал, что за него и праведные деньги молились. Шемяка наш прост, хоть кол на голове теши, да добр и богобоязлив; так мужики и надеялись нажить от него добра, да и оскоромились. Не то беда, что растет лебеда, а то беды, как нет и лебеды!

Приходит к старосте Шемяке баба просить на парня^[2], что горшки побил. Парню, лежа на полатах, соскучилось; поймал он клячу, а как он был не из самых ловких и проворных, так не умел и сесть, покуда кума его не посадила. Клячонка начала его бить, понесла, а на беду тут у соседки на частоколе горшки сушатся – понесла, да мимо горшков; он, как пошел их лбом щелкать, все пересчитал, сколько ни было!

Судья Шемяка подумал, да и рассудил: чтобы кума заплатила протори^[3], убытки и горшки соседки, за то, что парня криво на клячу посадила.— Где суд, там и расправа; мы проволочки не любим! Деньги на стол, кума, да и ступай домой!

Чтобы тебе быть дровосеком, да топорщица в глаза не видать, за такой суд, подумал сват Демьян; убил бобра^[4]! Заставь дурака богу молиться, так он и лоб расшибет!

Теперь подошла другая баба с просьбою. К ней в огород и во двор и в сени повадился ходить соседский петух; а поваженный, что наряженный, отбою нет; и такой он забияка, что бьет без пощады ее петуха и отгоняет от куриц; а соседка приберечь и устеречь его не хочет. Тогда судья Шемяка приказал поймать ей своего петуха и принести, и повелел писцу своему очинить ему нос гораздо потоньше и поострее, на подобие писчего пера, дабы он мог удобнее побивать петуха соседнего. Но он скоро, и не дождавшись победы своей, исчах и умер голодною смертью. Что ж делать; на грех мастера нет; и на старуху бывает проруха; конь о четырех ногах, да спотыкается, а у нашего петуха, покойника, только две и были!

Теперь еще пришла баба просить за мужика. Как квочки раскудахтались, сказал Шемяка,— визжать дело бабье! Ехали они вместе, баба с мужиком, на рынок; мужик стал про себя рассуждать: продам я курицу, продам яйца, да куплю горшок молока; а я, примолвила баба сдуру, я хлеба крошу. Тогда мужик, не медля ни мало, ударил ее в щеку, и вышиб у нее два зуба; а когда она спросила, зарыдав, за что? Так он отвечал ей: *«Не квась молока»*.— Мужик с бабой пришли к Шемяке и просили друг на друга; мужик, не запираясь ни в чем, принес два зуба, которые у нее вышиб, в руках.

— Квасить молоко чужое не годится,— сказал Шемяка просительнице,— на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой затевай! Но и ты не прав, земляк: вина одна; с чужим добром не носись, на утварь ближнего не посягай. Отдай бабе сей же час оба зуба, сполна, да и ступайте, господь с вами! тут и без вас тесно, и на брюхе пресно: сегодня еще ни крохи, ни капли в плотку не попадало, а хлопот полон рот — в голове, как толчея ходит; бьешься, бьешься, как слепой козел об ясли! Либо одуреешь с этим народом, прости господи, либо с ума сойдешь, либо, за недосугом, когда-нибудь без покаяния умрешь!

За такие и иные подобные хитрые увертки и проделки нашего судьи правдивого, старосты Шемяки, посадили его на воеводство, и стали уже отныне честить-величать по батюшке, Шемякою Антоновичем. Полюбится сатана лучше ясного сокола; вечером Макар гряды копал, ныне Макар в воеводы попал! Коси малину, руби смородину! Жил прежде, так стал поживать ныне; готовый стол, готовый дом, а челобитчиков, просителей, на крыльце широком, что локтем не протолкаешься! Шемяка возмечтал о себе, и стал, как овсяная каша, сам себя хвалить и воспевать: Я-де старого лесу кочерга, меня не проведешь, и на кривых оглоблях не объедешь; у меня чем аукнешь, тем и от-клинется; судить да рядить я и сам собаку съел; я и малого греха, и малой неправды не потерплю ни в ком; от малой искры да Москва загорелась; вола и резник обухом бьет, убей муху! А у меня, кто виноват, так виноват, хоть себе невидимка, хоть семи пядей во лбу будь!

А как бы сват мой Демьян его подслушал, так и подумал бы про себя: Ври на обед, да оставляй и на ужин! Ох-ты гой еси добрый молодец, судья правдивый, Шемяка Антонович, сын отца своего родного-кровного Антона Поликарповича. Ни ухо ты ни рыло, ни с рожи, ни с кожи, а судишь так, что ни мыто, ни катано, ни брито, ни стрижено; у тебя ум за разум заходит, знать, чересчур перевалил; а где тонко, там, того и гляди, порвется! И сатана в славе, да не за добрые дела; а иная слава хуже поношенья. Ты богослов, да не однослов; мягко стелешь, да жестко спать; скажешь вдоль, а сделаешь поперек; запряжешь и прямо, да поедешь криво! Все это подумал бы он про себя, а сказать, не скажет ни слова. Кто Шемяку посадил в воеводы, тот и отвечает. Солдат солдата под бок толкает: земляк! куда ты идешь, гляди-ка, тут головы не вынесешь без свища!» – «Про то знает тот, кто посылает,– проворчал старый служивый,– не ты за свою голову отвечаешь; а ты знай иди, да с ноги не сбивайся!» Так и я; не наше дело, тюпово, не нашего попа, чужого. Моя изба с краю, я ничего не знаю!

Пришел мещанин к воеводе Шемяке Антоновичу просить на соседа. Сосед у него был убогий, по имени Харитон, отставной целовальник. Он бы поехал и на топорище по дрова, да чай не довезет и до угла– так он и пришел просить у зажиточного хозяина кобылу. У меня, говорит, и дровни стоят наготове, и кнутишко припасен, и топор

за поясом, так за малым дело стало: лошаденки нет! не откажи, батюшка!

Так и кума моя, Соломонида, что на Волге жила, не тем будь помянута, бывало о масленой пошлет внучку к золовке: приказал-де бабушка кланяться, собирается блины печь, так уж наставила водицы, натолкала и соли, припасла и сковородник, а велела просить: сковороды нет ли, мучицы гречневой, молока да маслица!

Ссудил сосед Харитона, отставного целовальника, кобылой, пришел тот к нему и за хомутом; а как хомута лишнего у этого не случилось, так он ему и не дал. Тогда убогий Харитон наш не призадумался: он привязал кобылу просто к дровням за хвост и поехал по дрова; когда же, навалив воз большой, возвращался из лесу домой, так был под хмельком; он ворота отпер, подворотню выставить позабыл, а сам кобылу стегнул плетью. Она бросилась через подворотню и вырвала себе хвост весь, а дровни остались за воротами. Харитон приводит кобылу без хвоста, а хозяин, не приняв ее, пошел на него просить.

Воевода Шемяка повелел кобылу ту привести и освидетельствовать, действительно ли она без хвоста! А когда сие оказалось справедливым, и присяжные ярыги и думные грамотеи в очках хвоста искали, искали в не нашли, тогда воевода Шемяка суд учинил и расправу и решение такое: Как оный убогий мужик,

Харитон, отставной целовальник, взял кобылу с хвостом, то и повинен возвратить таковую ж; почему и взять ему оную к себе, и держать, доколе у нее не вырастет хвост.

– Ну, вот и с плеч долой,– сказал Шемяка про себя; -сделаешь дело и душе-то легче! Премудрость быть воеводой! Ведь не боги же и горшки обжигают!

«Удалось смелому присесть нагишом, да ежа раздавить,– подумал сват Демьян,– первый блин да комом! Хоть за то спасибо, что не призадумается; отзвонил, да и с колокольни! Чуть ли наш воевода не с Литвы; а туда, говорят, на всю шляхту один комар мозгу принес, да и тот, никак, девки порасхватили, а на нашего брата не досталось, что шилом патоки захватить! Нашему воеводе хоть зубы дергай; человек другому услужил, а сам виноват остался; бьют и Фому за Еремину вину! Ни думано, ни гадано, накликать на свою шею беду -не стучи, громом убьет. Кабы знал да ведал, где упасть, там бы соломы

подостлал – не давать бы кобылы, не ходить бы просить. Мое дело сторона; а я бы воеводе Шемяке сказал сказку, как слон-воевода разрешил волкам взять с овец по шкуре с сестры, а больше не велел их трогать ни волоском! Такой колокол по мне хоть разбей об угол! Поглядим, что дальше будет».

Приходит еще проситель, по делу уголовному. Сын вез отца, больного и слепого, на салазках, в баню, и спустился с ним, подле мосту, на лед. Тогда тот же Харитон, отставной целовальник, у которого и было ремесло, да хмелем поросло, шел пьяный через мост, упал с мосту, и убил до смерти больного старца, которого сын вез на салазках в баню. Харитон, подпав суду по делу уголовному, немного струсил; а когда его позвал Шемяка судья, то он, став позади просителя, показывал судье тяжелую, туго набитую кожаную кису, будто бы сулит ему великое множество денег. Шемяка Антонович, судья и воевода, приказал и суд учинить изволил такой: чтобы Харитону целовальнику стать под мостом, а вышереченному сыну убиенного прыгать на него с моста, и убить его до смерти. Долг платежом красен. Покойнику же отдать последнюю честь, и пристроить его к месту, то есть отвести еме земли косую сажень, выкопать землянку, снять с него мерку, да сшить на него деревянный тулуп, и дать знак отличия, крест во весь рост.– Сват мой Демьян, услышав все это, замолчал, как воды в рот набрал, и рукой махнул. Теперь, говорит, дело в шапке, и концы в воду; хоть святых вон понеси! Да поры, до времени, был Шемяка и прост, да лихоимства не знал; а в звать и силу попал, так и пустился во всякие художества: по бороде да по словам Авраам, а по делам – Хам^[5]; из речей своих, как закройщик модный, шьет, кроит, да выгадывает, по заказу, по деньгам, по людям, по лицу – что дальше, то лучше; счастливый путь!

Наконец приходит еще челобитчик. Тот же пьяный дурак Харитон выпросился к мужику в избу погреться. Мужик его пустил, накормил и на полати спать положил. Харитон оборвался с полатей, упал в люльку и убил ребенка до смерти. Отец привел Харитона к судье, и, будучи крайне огорчен потерей дитяти своего, просил учинить суд и правду. Береза не угроза, где стоит, там и шумит! Харитон целовальник знал уже дорогу к правосудию: сухая ложка рот дерет, а за свой грош везде хорош. Он опять показал Шемяке, из-за челобитчика, туго набитую кожаную мошну, и дело пошло на лад.

Ах ты окаянный Шемяка Антонович! Судья и воевода и блюстителъ правды русской, типун тебе на язык! Лукавый сам не соберется рассудить беспристрастнее и замысловатее твоего; а кто хочет знать да ведать последний приговор судьи Шемяки, конец и делу венец, тот купи, за три гривны, повествование о суде Шемякиной, с изящными изображениями, не то суздальского, не то владимирского художника, начинающееся словами: *«В некоторых Палестинах^[6] два мужа живаше – и читай – у меня и язык не поворится пересказывать; а я, по просьбе свата, замечу только мимоходом, что изображение суда Шемякина, церемониала шествия мышей, погребаяющих кота, и сим подобные, неосновательно называются обыкновенно лубочными^[7]: это, говорит Демьян, показывает невежество, и унижительно для суздальцев; изображения сии искусно вырезаются на ольховых досках, а не на мягком и волокнистом лубке. Но сват меня заговорил, и я отбрел от кола; начал, так надобно кончить. Кто в кони пошел, тот и воду вози; не почитав сказки, не кидай указки!*

Итак, по благополучном решении и окончании трех уголовных дел сих, Шемяка послал поверенного своего требовать от Харитона платы, которую он ему во время суда сулил и показывал в кисе кожаной. А Харитон целовальник отвечал: это не киса у меня, а праща; лежали в ней не рубли, а камни; а если бы судья Шемяка меня осудил, так я бы ему лоб раскроил! Тогда Шемяка Антонович, судья и воевода, перекрестясь, сказал: слава Богу, что я не его осудил: дурак стреляет, Бог пули носит; он бы камень бросил и, чего доброго, зашиб бы меня! Потом, рассудив, что ему пора отдохнуть и успокоиться после тяжких трудов и хлопот, на службе понесенных, расстроивших здоровье его, так что у него и подлинно уже ногти распухли, на зубах мозоли сели, и волоса моль съела,— поехал, для поправления здоровья своего, на службе утраченного, за море, на теплые воды. А Харитон, целовальник отставной, как пошел к челобитчикам требовать по судейскому приговору исполнения, так и взял, на мировую, отвязись-де только, с одного козу дойную, с другого муки четверти две, а с третьего, никак, тулуп овчинный, да корову – всякого жита по лопате, да и домой; а с миру по нитке, голому рубаха, со всех по крохи, голодному пироги! Всяк своим умом живет, говорит Харитон; старайся всяк про себя, а господь про всех; хлеб за брюхом не ходит;

не ударишь в дудку, не налетит и перепел; зимой без шубы не стыдно, а холодно, а в шубе без хлеба и тепло, да голодно!

Вот вам и всем сестрам по серьгам, и всякому старцу по ставцу! Шемяка родил, жену удивил; хоть рыло в крови да наша взяла; господь милостив, царь не всевидящ – бумага терпит, перо пишет, а напишешь пером, не вырубишь топором! Нашего воеводу голыми руками не достанешь; ему бы только рыло свиное, так у него бы и сморчок под землей не схоронился!

Что ж сказать нам про Шемяку Антоновича, как его чествовать, чем его потчевать? Послушаем еще раз, на прощанье, свата Демьяна, да и пойдем. Он говорит: Удалось нашему теляти да волка поймати! Простота хуже воровства, в дураке и царь не волен; по мне уж лучше пей, да дело разумей: а кто начнет за здравие, а сведет на упокой, кто и плут и глуп, тот – на ведьму юбка, на сатану – тулуп!

Кланяйся, сват Демьян, куме Соломониде, расскажи ей быль нашу о суде Шемякиной, так она тебе, горе мыкаючи, в волю наплачется; скажет: Ныне на свете, батюшка, все так; беда на беде, бедой погоняет, беду родит, бедою сгубит, бедой поминает! За грехи тяжкие, господь нас карает; ныне малый хлеб ест, и крестного знамения сотворити не знает – а большой, правую крестится, а левую в чужие карманы запускает! А мы с тобою, сват, соловья баснями не кормят, где сошлись, там и пир; новорожденным на радость, усопшим на мир – поедим, попьем, да и домой пойдем!

notes

Примечания

Впервые – в сборнике «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый СПб., 1832. Тип. Плюшара».

Сборник начинался предисловием, которое затем было перепечатано в Собрании сочинений В. И. Даля (т. VIII, 1861 г.):

«Где наши головы масляные, узорчатые, бороды чесаные, мухорчатые, усики витые бахромчатые. Где кафтаны смурые бархатные, шляпы бурые поярковые, кушаки шелково-бухарские, армяки татарские, рубахи щегольские красные, рукавицы вырестковые, тисненные, шаровары полосатые, сапоги с каймою строченые, на рубахах запонки граненые, на кафтанах застежки золоченые? Ой, было, было время на Руси, что ходил молодец в кафтане, ходила девка в сарафане!

Люди добрые! Старые и малые, ребятишки на деревянных кониках, старички с клюками и подпорками, девушки, невесты русские! Идите, стар и мал, слушать сказки чудные и прихотливые, слушать были-небылицы русские! А кто знает грамоте скорописной великороссийской, садись пиши, записывай, набело семь раз переписывай, знай помалчивай, словечка не роняй! Из каждого листа выходит тридцать две обертки на завитки нашим барышням-красавицам; ополчитесь, доблестные сыны отечества, да не посралим земли своя! Полно девицам-невестам нашим ходить-носить кудри вязаные-сырцовые, плетеные-шелковые; у нас на Руси и собачка каждая в своей шерсти ходит, а косы русские мягче шелку шемаханского, чище стекла богемского! Пишите, молодцы задорные, пишите и печатайте вирши в альбомы, в альманахи, пишите по-заморскому, так скоро из матушки России пойдет вывоз черновой бумаги за море в чужие края!

А вы, вычурные заморские, переводня семени русского, вы, хватые голосистые, с брызгами да жаботами, с бадинками да с витыми тросточками, вы садитесь в дилижансы да поезжайте за море, в

модные магазины; поезжайте туда, отколе к нам возит напоказ ваша братия ученых обезьян; изыдите; не про лукавого молитва читается, а от лукавого. Аминь»...

Сборник с этими сказками был вскоре после выхода в свет конфискован и теперь является библиографической редкостью.

Основой этой сказки является «Повесть о Шемякиной суде» – народной сатире на воеводский суд XVII века. Однако Даль сблизил текст сказки с лубочным изданием этого произведения, по-своему его переработав. Лубочная литература – дешевые массовые печатные издания для народа в дореволюционной России, представляла собой небольшие книжки, состоящие из картинок с поясняющими текстами. Содержание таких книжек составляли переделки былин, народных сказок, притч, исторических сказаний и т. д. Даль коллекционировал лубочные произведения, передав их впоследствии СПб Публичной библиотеке.

1

Астроном, директор Николаевской обсерватории, с которым В. И. Даль был особенно близок в 1819 – 1822 гг.

2

Просить (на кого-либо) – подавать жалобу в суд.

3

Протори – издержки, расходы (по судебным делам) .

4

Убить бобра – обмануться в расчетах.

Авраам, Хам – в библейской мифологии – Авраам – праотец, родоначальник евреев, – в переносном смысле старый почтенный человек. Хам – сын Ноя, проклятый отцом за непочтение – в переносном смысле наглый, готовый на подлость, человек.

6

Палестины – местность, край.

Лубочное (изображение) – напечатанное с лубка (т. е. с липовой доски, на которой гравировалась картина для печати).